

«Пандемия показала слабость мира. Поэзия всегда это знала»

Category: Kitapcy, Söhbətdeşlik

написано kitapcy | 24 января, 2025

"Пандемия показала слабость мира. Поэзия всегда это знала"
«ПАНДЕМИЯ ПОКАЗАЛА СЛАБОСТЬ МИРА. ПОЭЗИЯ ВСЕГДА ЭТО ЗНАЛА»

В интервью Гале Узрютовой поэт из Берлина Хендрик Джексон рассказал о том, почему его новая книга Panikraum стала особенно актуальной в период пандемии, почему было тяжело ее писать, а жизнь стала напоминать комнату паники. Также автор поделился мыслями о способности языка поэзии усугублять травму или утешать человека, о защитном инстинкте понимания, о том, какие процессы обнажила пандемия, почему она затормозила мировой текст, а сам автор ошибся в своих прогнозах.

– Иногда мне кажется, что поэзия – это и есть паника. Расскажи, пожалуйста, о концепции и названии книги Panikraum. Я знаю, что тебе было тяжело работать на этой темой. С чем пришлось столкнуться? У тебя получилось то, что ты задумал, или ты вышел на что-то другое?

– Не знаю, насколько поэзия может быть паникой, но я пытаюсь найти ответ на этот вопрос. Было тяжело писать третью главу Panikraum. Во-первых, потому что мне самому было непонятно, о чем я пишу и возможно ли вообще об этом писать. Во-вторых, потому что работа над этой главой погрузила меня в представление о мире как о неприятном, чрезвычайно темном ландшафте, абсолютно безнадежном. Это инфицировало весь мой мир. Раньше я просто не мог представить, что мир так жесток, т. е. мог, но избегал этого, как и все. И это удивило меня больше всего. Как всем до сих пор удавалось в той или иной

степени избегать этого? Даже тем философам, которые претендовали на глубокое понимание жизни и смерти. Я в этом смысле первый бешеный (безумный) человек, как у Ницше. Der tolle Mensch.

– Название книги Panikraum – это ведь комната паники? А комната – это ограниченное пространство. Вместе с тем, у меня создалось ощущение, что в книге паника из твоей личной перерастает границы и переходит во всечеловеческую панику в значении конца мира. Человечество всегда живет в ожидании конца и ходит по кругу? Как тебе кажется, стало ли паники сегодня больше? Чувствуешь что-то такое в людях?

– Интересный вопрос, особенно сейчас, во время пандемии. Когда мы начали этот разговор, мы еще не знали, насколько актуальна будет моя книга сегодня. Panikraum – это комната в доме или в здании, куда можно бежать, если случится что-то ужасное. Конечно, это ловушка. Там жить нельзя, но и выйти оттуда тоже нельзя. Идея такой комнаты заключается в том, что в ней есть надежда на будущее. Угроза пройдет, и можно будет выйти. Во время пандемии во многих странах ввели полную самоизоляцию, и тогда вся страна погружалась в Panikraum.

Я, конечно, говорю не о глобальной самоизоляции, а о большем. Panikraum может служить метафорой для многого. Жизнь напоминает такую комнату, и слова тоже в каком-то смысле. Каждое слово передает маленький мир, дает временный уют, защиту от угрозы, но в то же время может запереть нас в такую комнату. Даже так: без языка не было бы вообще такого представления как Panikraum, ее метафизического понимания. Поэтому интересно, что никто сейчас не понимает, что нынешняя ситуация вовсе не исключительна. Она и есть истинная ситуация человека, если выразить это словами Блеза Паскаля. Все, что остается, – литература.

– Есть такое мнение, что писать текст – это способ продолжить жить после жизни, потому что тексты остаются навсегда. В твоей книге мы читаем: ты не можешь создать язык исчезновения, потому что этот язык невозможен. На что способен текст: может

ли он остаться навсегда, если автор исчезает? Или автор и есть этот текст?

– Так как текст спасает и угрожает одновременно, литература продолжается всегда и в то же время исчезает. Продолжается в том смысле, что кроме литературы (или кроме искусства), все эфемерно. Но одновременно литература – только память, или как писал Мандельштам, сухое ожерелье из мертвых пчел. Если литература продолжается или, скажем, возрождается постоянно, это не значит, что она живет. Только мы живем, но от нас ничего не остается. Мы надеемся на литературу, но не она на нас (и тут не зря вспоминаются знаменитые ананасы в шампанском!).

– Язык исчезновения невозможен, но может ли язык поэзии быть спасением? Что ты чувствовал, когда писал эту книгу? Поясню. Мне, например, иногда кажется: когда я формулирую в тексте свои травмы или страхи, они становятся сильнее. У некоторых наоборот – без проговаривания травмы возникает безмолвный страх, и у них именно язык облегчает страх. Как происходит у тебя?

– Для начала нужно определить, что вообще такое понимание и слово. В тексте я немного парадоксально различаю *Vorstellung/sich vorstellen* (представление, представить себе) и *denken* (думать). Иногда я могу себе что-то представить, но не думать об этом. Или могу думать о чем-то, но не представить себе это.

Наверное, обычно так происходит у животных: инстинктивно возникает страх, и из этого страха выходит какое-то представление. Или представление с самого начала сопровождает страх. Представление и самые элементарные чувства так тесно связаны, что уже сложно сказать, как одно выходит из другого. Это похоже на ситуацию с пониманием (*Verstehen*) и языком у человека. У нас уже не бывает понимания без языка, поэтому некоторые философы и утверждают, что понимание и есть язык. В любом случае, это не пассивный процесс узнавания (*Erkennen*), а в какой-то мере – владение или правление. Понимание очень

тесно связано с тем, что по-немецки называется *urteilen* (*urteilen*). По-русски это можно сформулировать как «рассуждение». В немецком *ur* = как «самое первое» и *teilen* как «делить», т.е. делить вещи на куски. В *urteilen* есть отсылка на юридический язык. Так же, как и в русском, здесь есть приставка, связанная с делением (*рас*), и основная часть «суждение». Звучит, как в немецком «судья». «Процесс», в котором человек станет мастером материала.

Понимание – долгий и сложный процесс, тогда как страх – очень быстрый и даже внезапный, как и представление. Обычно последовательность такая: аффект и представление, и только потом – понимание и язык. Я пытался идти в обратном направлении. Долго думал о страхе и представлении о конце, об ограниченности жизни и неограниченности Вселенной, пока не возникли представления, которые сопровождают страх или выходят из него. Потом я пытался это понять.

Поэзия со своим более свободным, текущим языком (чего не скажешь, например, о науке, которая пытается ограничить язык до точности) находится как раз на грани между успокоительным эффектом понимания (как управление материалом) и эмоциональным эффектом представления (*Vorstellung*). Язык поэзии как раз соединяет мир понимания (понятия) с миром представления или переходит туда-обратно. Философские понятия, конечно, тоже имеют представление, но почти полностью переводят его в состояние контроля понимания. Вот поэтому, наверное, у одних понимание или приближение к травме с помощью языка успокаивает, а у других – углубляет представление о травме, ее источниках, возобновляет эту травму. Потому что представление более эмоционально и образно.

– В книге *Panikraum* много страха и ужаса, но вместе с тем, в ней есть свет, порой даже такой детский свет, граничащий с самоуготованием. Ты пояснил, что этот детский свет – как раз причина того, почему ты вообще смог написать такую вещь, говоря при этом об отсутствии инстинкта самозащиты у детей. У тебя была какая-то цель, когда ты писал эту книгу? Почему ты решил написать ее именно сейчас? Была ли бы она возможна в

другом возрасте?

– Это как раз очень просто. У меня всегда была неистребимая любовь к правде и познанию. Может, потому что я ожидал от нее спасения, или был очень любопытен. Первый раз представление о своей смерти в форме паники я получил в возрасте примерно 12 лет, когда стоял между двумя зеркалами, и зеркало отражало меня в бесконечность. Все эти годы я вспоминал это и слегка паниковал. Разве возможно постоянно думать об этом? Was dich mehr als alles angeht. Это не только касается, но и с какой-то силой, как прибой, захватывает тебя.

Но понимание всегда есть своего рода правление материалом, это может легко превратиться в манипуляцию. Я с детской, пушкинской легкостью углубился во всё это. Причем без защитного инстинкта понимания, который обычно быстро готов дать человеку утешающие объяснения. Но я всегда говорил себе: «Нет, нет, это не то. По-моему, это еще не всё, надо идти дальше». А потом просто уже не смог. Эмоционально, физически, и потому что всякому пониманию быстро наступает предел. Поэтому мне иногда и светло, хотя я не верующий человек (и если да, то только так отчаянно, как Лев Шестов). У меня дичайший религиозный Sehnsucht и любовь к жизни. Она пробивается снова и снова, хотя все реже.

– Ты сказал, что впервые у тебя такая паника возникла в 12 лет. Отличается ли твое состояние паники сейчас от чувства той детской паники?

– В сущности, нет никакой разницы.

Меня удивляют слова о том, что пандемия изменила мир, или о том, что мир не будет прежним после пандемии. Наоборот, стало очевидно, что ничего не меняется. Что думаешь на этот счет?

– Я люблю прогнозы, много этим занимался. Есть такие „Superforecaster“, которые часто предсказывают события лучше, чем так называемые эксперты. Но в этот раз я во многом ошибся, хоть и давно предвидел опасность коронавируса. Однако я ошибся насчет того, как сильно государство разрешит себе вмешиваться

в экономические дела. Для природы приостановка международных полетов – благо, но для многих – это трагедия. И речь не только об этом. Мы увидели, что государство вовсе не так зависимо от экономики, как часто утверждают. Что будет дальше, сейчас сказать сложно. Вернемся ли мы во всемирное, но отчасти региональное строение общества (как в рабство)? Ведь коронавирус – это только «первое блюдо». Через 10 лет мы не узнаем мир. Уже сейчас высохли целые леса. Как все это действует на общество, мы не знаем, но коронавирус дал нам понять, как это может быть. Но есть и хорошие стороны. За последние месяцы мир передохнул. Истерия передвижений и слишком активной жизни рухнула. Посмотрим, что будет дальше.

– Что означает эта пандемия и новая паника для мировой литературы, мирового текста?

– Ничего нового в этом нет. Наоборот, это, скорее, останавливает прогресс и заставляет возвращаться к более старомодному образу жизни. Но это может быть не только шагом назад. У нас был уникальный шанс многое пересмотреть. Хотя сомневаюсь, что такое произойдет, ведь большинство до сих пор не научилось думать. Так что, даже если сейчас что-то изменится, то вряд ли к лучшему.

– Сейчас многие авторы стали один за другим писать тексты, навеянные пандемией. Вызвала ли эта ситуация у тебя желание что-то написать?

– Нет. Мне нравилась тишина во время пандемии. Я бы даже сказал, что лично для меня мир стал почти идеальным (с учетом того, что я находился в привилегированном положении, и не считая трагедии в некоторых регионах). Чем меньше людей на улицах, тем лучше. Все было тихо, разумно, а прогулка по вечерним улицам стала в некотором роде актом смелости. Я все время читал и мечтал, что деньги не кончатся, что мир навсегда останется тихим, и любовь начнет цвести во всех уголках света. Конечно, это иллюзия.

– На твой взгляд, можно ли рассматривать текст как панику? В плане того, что текст – это способ автора справиться с жизнью, структурировать хаос (для писателя таким антипаниковым инструментом может выступать текстовый дневник).

Да конечно, как и язык вообще. Рацио всегда утешает. Но мы же сейчас видели, как слабо всё, на что мы полагаемся, что мир очень слабый, неверный, невероятный даже. Поэзия всегда это знала. Она не только утешает, она сильно рискует. Ведь крепости, деньги и успех не помогают в борьбе с хаосом и опасностью. Это то, в чем многие, особенно государства, так сильно ошибаются. Надо научиться с этим жить и смотреть правде в глаза.

Справка: ХЕНДРИК ДЖЕКСОН

Хендрик Джексон (род. в 1971 году) – немецкий поэт, переводчик, прозаик, литературный критик, sound artist, специалист в области русской поэзии и культуры, организатор литературных чтений. В Берлине изучал киноведение, философию и славистику. Будучи студентом, шесть месяцев провёл в Санкт-Петербурге в рамках студенческого обмена.

Автор нескольких поэтических книг, среди которых – «sein gelassen», «Panikraum». В 2015 году вышла книга поэта в переводе на русский язык «Манекены». Его поэзия переведена на двадцать языков мира. Инициатор создания театральной группы Lemma. Редактор литературного портала lyrikkritik.de. Джексон перевел на немецкий язык стихотворения Дмитрия Веневитинова, Марины Цветаевой, Дмитрия Драгилёва, Алексея Парщикова, Виктора Иванова, Марии Степановой.

Обладатель нескольких литературных наград: премии имени Алексея Парщикова (2019), премии имени Гёльдерлина, премии имени В. Вагнера на фестивале «Литературный март», стипендии имени Бринкмана от города Кёльн и др. Страница автора в «Журнальном зале». [Sohbetdezik](http://sohbetdezik.com)